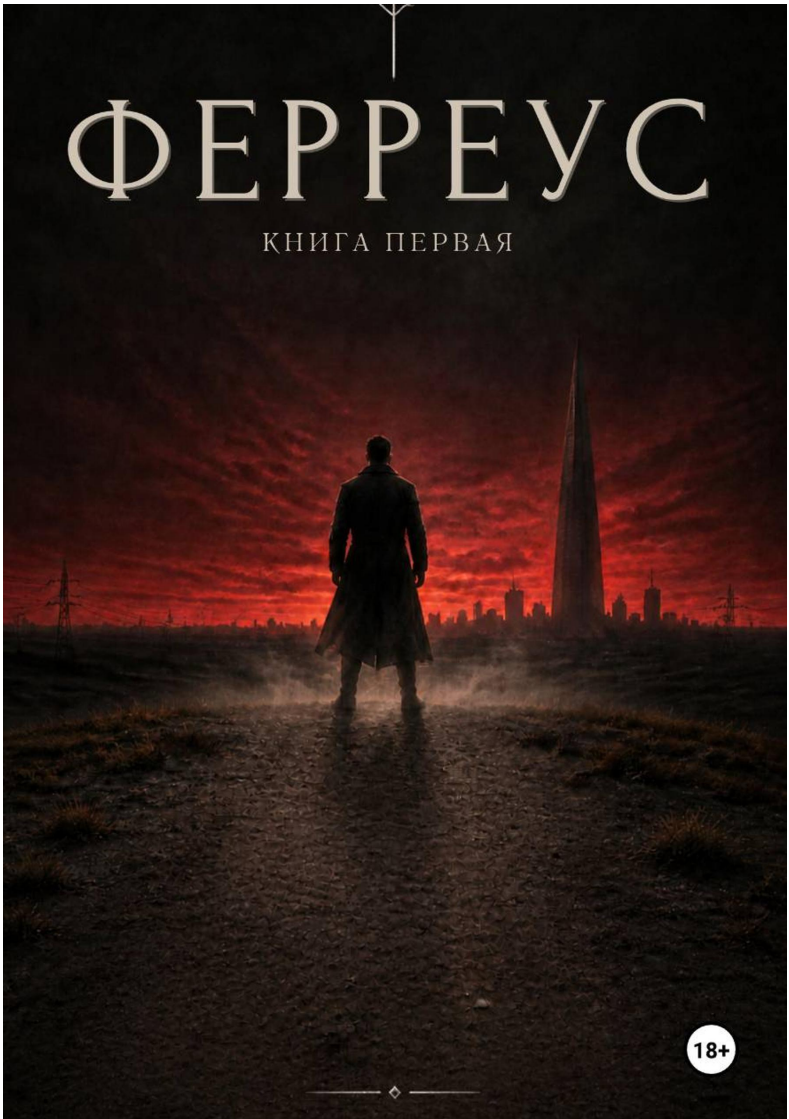
ФЕРРЕУС

КНИГА ПЕРВАЯ



18+

Александр Вальден
Ферреус

https://litres.ru/74823373
SelfPub; 2026

Аннотация

Студент-историк Мике Эспозито находит в Национальной библиотеке Неаполя листы, которых не должно существовать: доклад римского писаря II века, записанный со слов солдата. Солдат помнит разгром легиона Вара так, как его не помнит ни один учебник. И рассказывает о нём через сто с лишним лет после битвы, как очевидец.

Чем дальше Мике читает, тем меньше в этом истории и тем больше чьей-то исповеди. А когда фонд из Цюриха начинает скупать всё, что связано с листами, исчезать начинают уже люди.

Две тысячи лет назад центурион Марк Фабий, которого звали Ферреус, хотел жить. Ему это было обещано.

Содержание

Пролог 4
Часть первая. Живи 11
Глава первая. Железо 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Александр Вальден
Ферреус

Пролог

Неаполь. Конец сентября.

В Саните мёртвых берут в семью.

Не всех, а тех, у кого не осталось имени. Их черепа лежат под холмом, в туфовой пещере, откуда когда-то брали камень на город: тысячами, рядами, как хлеб на полках в пекарне. Чума, холера, кости, вынесенные из церквей, когда в церквях кончилось место. Кто они были, не знает никто. Поэтому кто-нибудь из живых однажды выбирает себе одного, даёт ему имя и начинает к нему ходить. Мама говорила, что безымянные мёртвые самые сговорчивые: им ведь больше никто не молится.

Синьора Пинто ходила к своему по воскресеньям сорок лет, а последние пять — под руку с Мике, если он был в городе.

— Скажи ему, что приехал, — велела она у входа. — Он тебя помнит.

— Он меня помнит, синьора?

— Ты ему в восемь лет конфету оставил. Такое помнят.

Его звали дон Гаэтано. Имя ему дала сама синьора Пинто,

в семьдесят девятом году, в честь брата, который утонул под Сорренто, и с тех пор дон Гаэтано жил в деревянном домике с крышей, вроде скворечника, в третьей нише слева. На крыше лежали три монеты по десять центов и пластмассовая роза. Синьора Пинто достала из сумки чистую тряпочку и вытерла ему лоб, как вытирают внуку.

— Сон видел? — спросила она, не оборачиваясь.

— Какой?

— Любой. Ты бледный, как тот, кому снится.

В Саните сон не сон, а число. Синьора Пинто знала их все, как молитвы: вода — двадцать, страх — девяносто, мёртвый — сорок семь. А если мёртвый во сне ещё и заговорил, то сорок восемь, и это уже совсем другие деньги.

— Мне снится, что я опаздываю на поезд, — сказал Мике.

— Это не число. Это жизнь. — Она поправила розу. — Ешь больше, будут сниться мёртвые, как у людей.

Пока она вполголоса рассказывала дону Гаэтано про давление и про цены, Мике пошёл вдоль рядов.

Он всегда так делал, с детства. Мария говорила, что он не умеет стоять на месте там, где есть на что смотреть, и это была правда. Здесь было на что. Черепа лежали один к одному, и у каждого были свои трещины, свои зубы, свой наклон, как у людей в очереди. Над некоторыми висели записки, детским почерком и стариковским. «Помоги сдать экзамен». «Пусть сын позвонит». «Ты знаешь за что». Под одной кто-то нарисовал шариковой ручкой сердце, и чернила рас-

плылись от сырости.

В самом конце, куда свет от входа уже не доставал, на выступе лежал пучок травы.

Не цветы. Цветы сюда носили все, и все одинаковые, хризантемы с рынка. Это были жёсткие стебли с мелкими жёлтыми венчиками, перевязанные ниткой. Мике наклонился. Пахло горько, как в аптеке, где ещё готовят сами. Трава была свежая, её сорвали день или два назад, и не в Неаполе: в Неаполе такая между камнями не растёт.

Черепа на этом выступе были ничьи. Ни записок, ни домиков, ни монет. Просто ряд, и трава поперёк.

— Синьора, — позвал он. — Кто сюда носит траву?

Синьора Пинто прищурилась издалека и перекрестилась, не от страха, а по привычке.

— Не наш, — сказала она. — Наши носят цветы.

— А кто?

— Ходит один. Давно. Я его раз видела, со спины. — Она подумала. — Приличный.

Больше он от неё ничего не добился.

* * *

На улице было солнечно и душно, как бывает в Неаполе в конце сентября, когда лето уже собралось уходить и передумало. Под бельём, натянутым поперёк переулка, дети били мячом в стену церкви, и никто их не гнал.

Света в квартале не было с утра: по воскресеньям теперь отключали с девяти до часу. Бар на углу варил кофе на га-

зовой горелке, и к стойке стояла очередь, как за хлебом. За хлебом очередь тоже стояла: в окне пекарни висела новая цена, написанная фломастером поверх старой, и старую ещё можно было прочесть.

На стене у остановки кто-то расклеил в ряд одинаковые листовки: белый знак на чёрном и ни одного слова.

— Это кто? — спросил Мике.

— Эти, с севера. — Синьора Пинто даже не повернула головы. — Обещают свет по расписанию.

— Так свет уже по расписанию.

— Вот. Значит, держат слово.

У ворот их дома донна Нунция, как всегда, продавала с табуретки сигареты поштучно. Увидев Мике, она сказала, что он похудел. За утро это было второе мнение, и оба совпали.

* * *

Мария была на лестнице, с ведром.

Она мыла ступени, не свои, а общие, потому что подошла её очередь, а очередь в их доме была святее мессы. Босиком, в старой папиной футболке, с волосами, заколотыми чем попало. Сегодня это была вилка.

— Не ходи, — сказала она, не поднимая головы. — Мокро.

— А как мне домой?

— По перилам. В десять лет ты умел.

В десять лет он с этих перил слетел и рассёк бровь о ступеньку, и шрам так и остался. Перевязывала его тогда она,

двадцатилетняя, на этой же лестнице, и руки у неё не дрожали. Дрожали потом, на кухне, когда он уже спал.

Он прошёл по краю, вдоль стены, и поцеловал её в макушку.

— Пахнешь пещерой, — сказала она. — Синьора Пинто опять таскала тебя к дону Гаэтано?

— Он меня помнит.

— Он всех помнит. У него никаких других дел. Рагу на плите, газ не отключают. Пока.

* * *

Ели на кухне, с открытым окном, потому что вентилятор без света не работал. Внизу синьора Пинто рассказывала кому-то через весь двор, что Мике в Риме не кормят.

Мике рассказал про траву.

— И что? — спросила Мария.

— И ничего. Там тысячи черепов, у половины имена, которые им придумали бабки. А в самом конце ряд, у которого нет ничего. И кто-то носит ему траву. Не одному. Всем сразу.

— Значит, кто-то помнит тех, кого никто не помнит. — Она подложила ему в тарелку. — Тебе мало?

— Мне интересно, кто.

— Тебе всегда интересно, кто. В шесть лет ты спрашивал священника, кто стирал Ангелу-хранителю рубашки.

— Он не знал.

— Он просто не задумывался. А ты задумался. В этом и беда.

Она ела быстро, как едят люди, у которых впереди ночь. В восемь у неё начиналась смена, и на спинке стула уже висела форма, выглаженная вчера, когда ещё был свет.

— Расскажи про своего профессора, — сказала она. — Ты за обедом три раза начинал и три раза передумывал.

— С чего ты взяла?

— У тебя ложка останавливается.

Он положил ложку.

— Он странный, — сказал Мике. — Пятнадцать лет защищает одного римского писаря, которого все считают вралём. На него смеются на каждой конференции. А он едет на следующую.

— Значит, хороший человек, — сказала Мария. — Плохие защищают тех, кого все любят.

— Он меня даже не знает.

— Но ты хочешь, чтобы узнал.

Мике не ответил. Она и не ждала ответа. Она слишком хорошо знала его лицо: всё, что он думал, было на нём написано, как на вывеске, и в Риме его за это уже не раз называли «неаполитанцем», и не всегда ласково.

— Ешь, — сказала она. — У тебя поезд в шесть, а у меня двенадцать часов чужих несчастий. Хочу помнить, что хоть один человек сегодня доел до конца.

* * *

На вокзале Гарибальди табло горело вполовину: здесь тоже экономили. Поезд опаздывал на сорок минут, и никто на

перроне не удивлялся.

Уже в вагоне Мике сунул руку в карман куртки за билетом и нащупал бумажку. Пятьдесят евро, сложенные вдвое. Одна. Он не слышал, когда она её туда положила. Он никогда не слышал.

Телефон дрогнул, когда поезд уже тронулся. Номер профессора Росси. Профессор Росси никогда не писал студентам по воскресеньям.

«Эспозито. В понедельник сядьте ближе. Хочу показать вам одну вещь, которой не должно быть».

Мике перечитал дважды. За окном уходил назад Неаполь, квартал за кварталом, и там, где по графику сейчас не было света, город стоял тёмными пятнами, как текст с пропущенными строками.

Он сложил бумажку обратно по сгибу и убрал во внутренний карман, к сердцу. Так делал папа.

Часть первая. Живи

Глава первая. Железо

Германия, земли хаттов. Конец лета 9 года.

Гай не помнил, как начался бой.

Помнил утро — серое, тихое, с туманом, который лежал в низине, как молоко в миске. Помнил, как натирал плечо ремень щита и как сосед справа, ветеран по имени Руф, жевал полоску вяленого мяса и сплёвывал под ноги. А потом мир взорвался криком.

Не боевым кличем. Так кричит человек, когда железо входит ему в живот. Гай стоял в третьей шеренге и смотрел в спины передних, и вдруг одна из спин исчезла — просто провалилась вниз, — и на её месте оказалось лицо. Чужое. Вымазанное сажей и чем-то бурым. С оскаленным ртом, в котором не хватало двух передних зубов. Эта мысль — глупая, неуместная, про зубы — застряла у Гая в голове, пока его тело, опережая разум, вскидывало щит.

Удар пришёлся в умбон. Руку тряхнуло до самого локтя.

Он не помнил, как убил первого. Помнил только, что ладонь стала мокрой и горячей, и это была не его кровь. Потом его толкнули в спину, и он оказался во второй шеренге, потом в первой. Строй смешался. Чей-то шлем катился под

ногами. Гай наступил на что-то мягкое и скользкое, поехал, удержался, подставил щит. Снова удар. Он делал то, чему его три месяца учили в лагере под Могонциаком: щит вперёд, укол снизу, шаг назад, когда давят, шаг вперёд, когда давят сзади. Он был частью машины, и машина работала.

Потом машина сломалась.

Слева, где стояла соседняя центурия, строй прогнулся, как плетень под напором паводка. Гай увидел это краем глаза: щиты расходятся, между ними просвет, и в просвет лезут люди в шкурах — молча, без крика, и это молчание было страшнее любого воя. Сигнифер соседней центурии, рослый парень в волчьей шкуре поверх шлема, качнулся, и значок — серебряные диски на древке — качнулся вместе с ним и пошёл вниз.

— Сомкнуться! — заорал кто-то позади. — Сомкнуться, сучьи дети!

Человек протиснулся сквозь вторую шеренгу, расталкивая своих щитом. Без шлема — видно, потерял в давке, — тёмные волосы прилипли ко лбу. Он не бросился в пролом. Он схватил за ремень ближайшего легионера и толкнул его вперёд, к падающему значку: «Держи!» Потом второго. Третьего. И только потом пошёл сам.

Гай видел, как он убил первого германца — без замаха, коротким тычком под челюсть, будто колол лучину, — и сразу, не дожидаясь, пока тот упадёт, повернулся к следующему. Дрался он некрасиво. Не так, как дерутся в рассказах у

костра: никаких широких взмахов, никакого блеска. Толкнул щитом, ударил, отступил на полшага, дал соседу сделать своё, ударил снова. Он работал. И всё время кричал — не врагу, своим: кому куда встать, кого прикрыть, кто трус и кто его мать.

И тут Гай понял, что стоит. Стоит в двух шагах от пролома, опустив щит, и смотрит, как другие умирают.

Стыд ударил в лицо, как жар из печи. Он шагнул, ещё раз шагнул и оказался справа от этого человека — на месте, которое только что освободил упавший легионер. Германец с топором уже заносил руку над непокрытой головой — человек рубился с другим и не видел. Гай ударил щитом снизу вверх, под локоть. Топор ушёл в сторону. Гай ударил ещё раз, мечом, в открытый бок, и германец сел на землю с удивлённым лицом.

Человек мельком глянул на Гая. Глаза светлые, серые, на загорелом грязном лице. В них не было ни благодарности, ни удивления. Так смотрят на инструмент, который оказался под рукой.

— Имя?

— Гай Деций!

— Держи правую сторону, Деций. Упадёшь — перешагну.

Гай держал правую сторону.

Он не знал, сколько это длилось. Был только ритм: удар — вдох — удар. Пролом затягивался медленно, шаг за шагом, — не потому, что двое встали стеной, а потому, что на

их крик, на их упрямство стягивались другие, и щиты снова сходились край к краю. В какой-то момент Гай почувствовал плечо справа, и слева, и чью-то тяжесть в спину, и это значило, что строй есть.

Он видел, как человека задели: германское копьё скользнуло по боку, разорвав кольчугу. Тот даже не посмотрел на рану. Выругался — коротко и грязно — и продолжал.

Потом протрубил горн.

Гай не сразу понял, что он значит. Просто германцев впереди стало меньше. Они пятились, огрызаясь, а потом разом повернулись и ушли в туман, к лесу, утаскивая своих раненых. С правого фланга донёсся рёв: там когорты пошли вперёд.

Гай опустил меч. Руки дрожали так, что клинок постукивал о край щита.

Вокруг лежали люди. Римляне и германцы вперемешку. Кто-то ещё шевелился. Пахло кровью, вспоротыми животами и мокрой травой.

Человек без шлема стоял в нескольких шагах, зажимая бок ладонью. Между пальцами сочилось. Он огляделся — быстро, по-хозяйски, как крестьянин оглядывает поле после града, — и пошёл между телами.

Гай пошёл за ним.

Человек останавливался у каждого. Над римлянами наклонялся. Одному, молодому, с открытыми глазами, закрыл их — не бережно, а деловито, двумя пальцами, как закрыва-

ют ставни. Над другим, который ещё дышал, крикнул: «Носилки сюда!» — и пошёл дальше.

Над германцами он не наклонялся.

Первый раненый германец лежал на спине и смотрел в небо. Человек, не замедляя шага, ударил его клинком в горло. Второго — тоже. Третий был совсем мальчишка, моложе Гая, с пушком на щеках. Он сидел, привалившись к убитой лошади, и держался за ногу, разрубленную ниже колена. Увидев римлянина, он поднял руку — пустую, ладонью вперёд — и что-то сказал на своём языке. Гай не понял слов. Но понял, о чём просят.

Человек не остановился. Удар — короткий, точный, без злобы. Мальчишка завалился на бок.

Гай встал как вкопанный.

Человек почувствовал это и обернулся.

— Что?

— Он сдавался, — сказал Гай. Голос вышел сиплый, чужой.

— Сдавался. — Человек кивнул, будто соглашаясь. — А через месяц нога заживёт, и он придёт снова. С братьями. И один из них проломит голову тебе. — Он вытер клинок о рубаху убитого. — Кого ты хочешь хоронить, Деций, — его или себя?

Гай не ответил.

— Вот и я так думаю.

Он пошёл дальше.

Гая мутило — от запаха, от усталости, от того, что он только что увидел. Этот человек закрыл пролом. Этот человек, может быть, спас всю когорту. И этот же человек убил мальчишку, который просил пощады, — так же просто, как закрыл глаза мёртвому римлянину. Двумя одинаковыми движениями.

Рядом кто-то сплюнул. Руф стоял, опираясь на пилум, забрызганный кровью до бровей, и тоже смотрел вслед.

— Кто это? — спросил Гай.

Руф посмотрел на него с жалостью, как на дурачка.

— Ты из какой центурии, кампанец?

— Из шестой. Пополнение. Пять дней как пришли. Нами оптион командует, центурион в разъезде был…

— Вернулся он. Ночью. — Руф хмыкнул. — Это твой центурион, сынок. Марк Фабий. Ферреус.

— Железный?

— Железный. — Руф вытер рот тыльной стороной ладони. — Проверять не советую.

Марк, не оборачиваясь, поднял руку и крикнул через всё поле:

— Деций! Ремешок на шлеме подтяни. Слетит шлем — подбирать не стану.

Гай машинально тронул нащёчник. Ремешок и правда болтался, надорванный у пряжки. Когда тот успел заметить?

Он посмотрел вслед человеку, который весь бой дрался с непокрытой головой, — и не понял, смеяться ему или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.